

Выглядели «Гномы» потрясно. Сам Сергей Жуков поверх свободной красной рубахи, заправленной в фирменные джинсы, надел бордовую жилетку из тонкой кожи. Наряд главного гнома довершала изящная кремовая бабочка, сидящая на мускулистой шее так, словно школьный маэстро с ней родился.

— Ветка, я тащусь! — приветствовал Жуков солистку Иветту. Его семнадцатилетняя одноклассница выглядела вообще феерически. Генка, не скрывая восхищения, скользнул взглядом по гибкой фигуре, плотно обтянутой ярко-розовым плюшевым комбинезоном. Сапоги кончались гораздо выше

Владимир Сергеевич Попов закончил мехмат МГУ им. М. В. Ломоносова (1969) и Литературный институт им. А. М. Горького (1981) — семинар драматургии В. С. Розова — И. Л. Вишневской. Член Союза журналистов СССР с 1978 года, Комитета Московских драматургов (1983), Союза писателей СССР (Москвы), Союза театральных деятелей РФ (1997). Пьесы печатались в журналах «Театр», «Современная драматургия», сборниках издательство «Искусство». Более 10 пьес поставлены в театрах РФ и СНГ (с 1981): «Третий голос», «Пропуск Стаса Захарова», «Красавица Снежана», «Гремела группа «Гномы», «Предки», «Идеальная пара (О, Марианна!)», «Дорогой подарок», «Испытание», «Завидный жених», «Семейный сюрприз». Спектакль «Идеальная пара» петербургского театра «Патриот» за 18 лет прошёл 400 раз. Спектакль по «Идеальной паре» Запорожского академического театра им. Магара (режиссёр Е. Головатюк) получил приз на международном фестивале в Пловдиве (2011). Комедию играли Русские академические театры Баку, Ташкента, Бишкека, много областных и городских театров РФ. Драма «Дорогой подарок» прозвучала на немецком языке на радио Швейцарии. Автор книг прозы и пьес: «Тропинка из одиночества» (М.: Молодая гвардия, 1985); «Предки. Пять современных пьес» (1995); «Незванный гость. Комедии», «Этажи МГУ. Студенческая повесть» (М.: Линор, 2006, 2011, 2014, 2017); «Сухая падь. Повести и пьесы» (2008); «Перехлёст. Избранное» (2011); «Даманский. Незабываемый остров» (М.: Граница, 2014), «Сонет Шекспира. Молодёжные пьесы» (М., 2014), «А вокруг — прекрасные люди. Современные пьесы» (М. 2016), «Парамарибо. Повести и рассказы» (М.: Линор, 2016). «Свет Розова» (М.: Литературная учёба, 2013). Лауреат литературного фестиваля «Интеллигентный сезон» (2017, 2020).

колена. На шею Иветты полыхала всеми цветами радуги искусно повязанная косынка. Заметив Генкин взгляд, девушка дружески взлохматила его шевелюру.

— Бобрик, как я тебе?

Ответить Генка как-то не сумел, только поднял вверх большой палец. Да Иветта, собственно, всё уже прочла в глазах начинающего музыканта. Скромнее выглядели два других участника группы. Бас-гитарист Андрей Пробкин, которого вся школа звала Гривой за соответствующую причёску, пришёл в той же коричневой рубашке, что носил уже несколько дней. Правда, необходимую праздничность долговязому музыканту придавал широкий бордовый галстук, вызвавший одобрение маэстро: «Годится».

Совсем иную реакцию вызвал у Жукова ударник Дятлов. Этот угрюмый музыкант явился на осенний бал в своей обычной чёрной водолазке и мятых брюках.

— Ты что не слышал, Дятел? Мы же «Гномы» — яркие, праздничные ребята. Мы на дискотеку пришли, народ развлекать, а не «жмурика» провозжать. Не нашёл чего посветлее?

— Не нашёл, — мрачно отрезал невысокий, жилистый парень с пристальным, немигающим взглядом коричневых тараканьих глаз. Затем привычными движениями, с небрежной ловкостью забрался за ударную установку, взял палочки, прошёлся дробью по малым барабанам, ногой поставил точку на большом.

— Ладно. После разберёмся... все готовы?.. Гена, полшага вперёд, не

стесняйся, сегодня — твой день!.. Грива, ты, наоборот, отступи... вот так... Антракт кончается, встречаем народ. Начали!

Привычно подчиняясь могучей, творческой воле маэстро, «Гномы» ринулись в музыкальное плавание. Стихия звуков трёх электрогитар и нескольких барабанов, сразу приняла стройную музыкальную форму. Одна за другой менялись дивные мелодии, рождённые незаурядным талантом семнадцатилетнего композитора. Большая толпа старшеклассников быстро заполняла просторный спортивный зал, подготовленный для дискотеки, пока в актовом шла официальная часть школьного вечера. Диск-жокеем выступал, как обычно, сам Жуков. После музыкального вступления маэстро произнёс слова, которые Генка ждал весь необыкновенно долгий день.

— Внимание, дорогие друзья! Милые леди и крутые мены! Минуточку внимания!.. Сегодня группа «Гномы» приготовила для вас два сюрприза. Два приятных сюрприза осенней дискотеки в нашей мировещкой школе. Знакомьтесь! Перед вами мой ученик, ритм-гитарист Геннадий Бобров. Первое публичное выступление! Многообещающий дебют! Вчерашний «Гномик» сегодня становится полноценным «Гномом». Гена, дай ритм!

Под улюлюканье и приветственный шум зала Генка взял несколько эффектных аккордов, намеченных Жуковым накануне. Слушатели одобрили их бурными аплодисментами,

но жокей быстро погасил оvation, подняв руку.

— Отлично! Спасибо, друзья! Вы чувствуете, какой способный парень? Девятый класс. Наша смена! Bravo, bravo! Не красней, Гена. Скромность и талант — основные качества нового «Гнома». Приветствуем дебютанта — Геннадий Бобров!!!

Хорошо заведённый музыкой и опытным жокеем зал опять грохотнул аплодисментами, свистом и визгами девушек. В ответ на первое в жизни публичное признание мальчишеское лицо засияло белозубой, восторженной улыбкой. А маэстро уже вёл послушную массу дальше.

— Внимание! Ещё минуту внимания, леди и джентльмены, дамы и господа! Второй сюрприз от «Гномов», подарок номер два! Следующим номером нашей неисчерпаемой программы прозвучит моя новая мелодия. Наша очаровательная, всем известная солистка Иветта Резцова даёт премьеру песни «Я сведу тебя с ума!» Такое простенькое название. Вам нравится?

— Да-а-а! — слились в мощном рёве две сотни молодых глоток.

— Сейчас вы её услышите. Слова и музыка мои, но Иветта сумела стать подлинным соавтором. Она может свести с ума кого угодно. Встречайте певицу: Иветта Резцова!

Вступительные аккорды тонут в рукоплесканиях, криках и свисте. Иветта, эротически протанцевав запев, точно начала мелодию. Зал притих. Песня оказалась на редкость лирической. Пары слились в долгом, томительном «медляке». И лишь по-

сле заключительной, продолжительной ноты певицы раздались дружные, нарастающие и долго не смолкающие аплодисменты. Маэстро не скрывал авторского удовольствия.

— Спасибо... спасибо, дорогие друзья! Спасибо, Иветта... бас-гитарист Андрей Пробкин... ударные Александр Дятлов... ритм Геннадий Бобров...

— Автор песни, руководитель группы «Гномы», композитор и певец Сергей Жуков! — подала маэстро крупным планом в нужный момент Иветта. Затем она спела ещё несколько песен, и по команде маэстро музыканты освободились от инструментов.

— Антракт, — весело сообщил в свой микрофон басовитый Грива. И сразу живая танцевальная масса разбилась на множество групп, пар, одиночек. Кое-кто потянулся к выходу. Грива с Дятлом, доставая пачки сигарет, тоже отправились «под звёзды» покурить.

С видом полководца, выигрывающего сражение, Жуков стоял посреди эстрады. Танцующей походкой к нему подплыла Иветта.

— Курить не идёшь?

Маэстро отрицательно качнул головой и бросил солистке:

— Отлично выдала, Ветка. А как принимали!.. В Японии, крошка, ты стала бы классной гейшей. Миллионеры записывались бы к тебе в длинную очередь.

— Ну тебя, Серенький, скажешь тоже.

— Верняк. Нежный голос, томный взгляд, гибкое тело... Всё, что надо,

чтобы завлекать, развлекать, всем всё обещать и почти ничего не исполнять.

— Тебе-то грех жаловаться, Серёженька, — выдохнула солистка прямо в ухо жокея. — Но если маэстро против... Встану пряменько и всё!

— Маэстро не против. Крути всем, что крутится. У тебя есть чем...

Ошеломлённый происходящим, Генка стоял на своём месте, совершенно не зная, чем заняться.

— Бобёр, по-моему, вообще погиб. Доконала ты его своими вращениями. Кстати, ты знаешь, он парень с квартирой.

— Да-а, — живо отреагировала «гейша». — А мама-папа?

— Отца давно нет. Мать — медсестра. Дежурит днём и ночью. Летом мы пару раз заглядывали. Сейчас Бобёр почему-то сопротивляется. Но если ты ласково попросишь...

— Момент!..

Школьная звезда двинулась кошачьей походкой в сторону дебютанта. Увидев её приближение, Генка, как лунатик, шагнул навстречу. Иветта подошла вплотную, закинула гибкие руки на шею гитариста, коснулась губами виска ошалевшего мальчишки.

— Ты что... смотрят же все, — с трудом просипел обалдевший Генка. Его лицо в этот момент вполне гармонировало цветом с его ярко-красной рубашкой. К счастью, большого света в зале не было.

— Пусть смотрят, — пропела Иветта на ухо. — Это моя благодарность тебе.

— За что? — искренне не понял дебютант.

— С тобой петь легко и приятно, — входила солистка в роль гейши.

— Сочиняй! — из последних сил пытался устоять на предательски слабеющих ногах Генка.

— Клянусь, Геночка. Ты замечательный партнёр.

Грива стоит фонарным столбом, глаза стеклянные. Дятел сидит каменным сфинксом, весь в себе. Маэстро недоступен для простых смертных, витает в небесах искусства. Так что ты, Бобрик, моя главная опора теперь. Гляжу на тебя, вспоминаю, как сама первый раз на публику вышла, два года назад. Коленки подгибаются, сама себя не слышу. Как ты-то, дебютант?

— Нормально, — едва выговорил девятиклассник. Больше всего он хотел сейчас очутиться с Иветтой на необитаемом острове и прожить с ней вдвоём всю оставшуюся жизнь. Певица, однако, вернула парня в действительность.

— Ты следишь за группами? Записи «Парашютистов» знаешь?

— Нет, не слышал даже, — честно мотнул головой Генка.

— Их ещё мало кто знает. Хочешь, вместе послушаем? У меня есть кассета. Только вот где? На улице уже не климат... Там у них что-то такое...

Иветта напевает, крутится перед Генкой, качая бёдрами.

— Нравится?

Генка вдруг крепко взял солистку за руку, прошептал горячо ей на ухо: «Завтра вечером... ты можешь завтра?.. Мать на дежурство уйдёт...».

Начинающая гейша поймала мячик на лету. Она быстро коснулась

губами разгорячённой щёки хозяина квартиры:

— Бобрик, ты просто клад! За мной настоящий поцелуй.

Танцующей походкой Иветта направилась к маэстро. Вскоре в зал вернулись Грива и Дятел, маэстро подал команду, и дискотека понеслась дальше.

Следующий, воскресный день показался Генке не короче безразмерной, премьерной субботы. Перед ним неотрывно стоял вчерашний облик Иветты. Он ощущал прикосновение её упругой груди, слышал жаркий ласковый шёпот, снова и снова в ушах звучали дивные слова: «За мной настоящий поцелуй». Сегодня она придёт одна...

Буквально через пять минут после ухода матери на дежурство раздался звонок. Генка полетел открывать... Первой за дверью стояла Иветта. Но обрадоваться хозяин не успел. За девушкой стояли все остальные гномы.

— Бобрик, салют! — заметив, как застыла и сползла с лица хозяйина улыбка, заторопилась солистка. — Шла к тебе, как договорились, одна-одинёшенька. Вдруг наших встретила, увязались. Не возражаешь?

«Возражаю!» — громко крикнул где-то в мозжечке внутренний голос. Но внять ему Генка не смог. Он шире распахнул дверь, отступил:

— Проходите. Куртки на вешалку.

Гости с трудом уместились в крошечной прихожей. Жуков протянул руку: «Привет, Гена. Мама на дежурство ушла?» Генка машинально кивнул. Волшебный домик, наполнен-

ный музыкой, чаепитием, танцами... просуществовал в его воображении меньше суток.

— Мамочка у тебя ещё в порядке, — сообщил Грива. И хохотнув, добавил: — Я бы не отказался,

Бас-гитарист весело заржал было своей шутке, но его никто не поддерживал. Дятел не проронил ни слова, а Жуков жёстко посоветовал:

— Закрой пасть, Грива. И вытри хорошенько ноги.

Маэстро показывает пример. Иветта тоже старательно потопталась аккуратными сапожками по дерюжке в прихожей. Грива неуклюже шаркнул несколько раз длинными ногами. Дятел обошёлся без обувной процедуры. Он деловито прошёл в комнату, вынул из сумки две длинных бутылки марочного вина, полбатона колбасы, кусок сыра, батон хлеба, развернул на столе газету. Из заднего кармана джинсов ударник извлёк складной нож-лисичку, ловко нарезал крупными ломтями хлеб, колбасу и сыр. Лишь после этого обратился к Генке.

— С тебя стаканы, хозяин.

Музыканты вели себя вполне раскрепощённо. Грива уселся на диван, включил миниатюрный японский магнитофон. Полилась протяжная мелодия. Жуков взял Иветту за руку, они танцуют, тесно прильнув друг к другу. Совсем так, как представлялось бедному Бобрику. Впрочем, взглянув на него, Иветта что-то шепнула партнёру, и маэстро сразу ослабил хватку. Между танцующими появилось пространство, и Генке сразу стало как-то легче дышать.

Убрал лезвие и оттянув перпендикулярно «лисичке» штопор, Дятел умело вскрыл обе бутылки, налил четыре стакана ровно по половинке в каждый. Булькал он не глядя, но уровень на глаз практически не отличался.

— Маэстро, нóлито! — провозгласил Грива. Убедившись, что внимание всех Гномов, включая Генку, приковано к мастерскому наполнению стаканов, Жуков на мгновение опустил руки на ягодицы Иветты, крепко прижал её к себе, тут же отпустил, и как ни в чём не бывало, направился к столу.

— Раз, два, три, четыре... Нас же пятеро, Гена. Почему четыре стакана?

— Больше нет, — сухо отрубил хозяин. И решительно отойдя от стола, Генка уселся на диван, только что освобождённый Гривой.

— Обеднел, Бобёр, — схохотнул жизнерадостный Пробкин. — Притащи хоть какую-нибудь чашку. Он привычным жестом загрёб стакан, почти целиком исчезнувший в костистой лапе. Второй стакан придвинул к себе умелый разливальщик. Жуков медлил, переводя вопросительный взгляд с Иветты на Генку.

— Без меня, Серёжа, — сказала вдруг девушка. — Мне сегодня нельзя.

— Вчера было можно, сегодня нельзя. Темнишь, Козочка, — заржал длинный Гном. Жуков попытался закрыть тему:

— Если женщина говорит нельзя, значит, нельзя.

Однако дурашливый музыкант тут же продолжил:

— А если очень хочется?

— Можно. — Без малейшей улыбки мрачно подытожил Дятел.

«Фонарный столб» ещё громче заржал. «Сфинкс» оскалился. Маэстро сокрушённо пожал плечами: «Что с них возьмёшь» и доброжелательно пригласил.

— Подходи ближе, Гена.

— Я не буду.

Генка пытался говорить низко и твёрдо, но голос предательски дрожал. «Молодец», — похвалил мозгечок, и Генка заявил почти спокойно.

— Пейте без меня.

Впрочем, гостям не было никакого дела до его переживаний. Грива поинтересовался: «Тоже нельзя, Бобёр?» Дятел задумчиво произнёс, едва приоткрыв широкий лягушачий рот:

— Обижает, хозяин.

Отдалённая, неясная угроза в интонации Сфинкса явно прозвучала. Иветта быстро взяла один из двух оставшихся стаканов.

— Я начну, Серёжа.

— Начни, — согласился Жуков. Он поднял свой стакан.

— Дорогие коллеги! Друзья! — начал он несколько патетически. — Вчера в наши ряды вошёл, влился, стал полноправным участником...

— Соучастником, — процедил Дятел, вызвав бурный гогот Гривы.

— Стал полноценным Гномом! — повысил голос главный музыкант, и Пробкин замолк, ухватив себя свободной пятернёй за нижнюю челюсть.

— Геннадий Бобров! — поставил в нужной атмосфере точку Жуков и продолжил в уже лирическом клю-

че: — Что я хочу тебе сказать, Гена! Ты способный парень. Отлично освоил гитару. Вчера ты это доказал.

— И душа! У Бобрика чуткая душа! — искренне вставила Иветта.

— Я рад, Гена, — продолжил маэстро, — что не ошибся в тебе. Взял в группу. Одного из десятков желающих. Довёл до выступлений. Мы скоро уйдём...

— Из жизни, — без эмоций обронил Дятел.

— Из школы! Из жизни пусть уходят добровольцы, — небрежно отпарировал Жуков. — Появятся новые гномы. И ты будешь у них лидером, новым маэстро, почему нет. Вполне возможно. Если ты всегда, Гена... во всём... будешь с нами. Сегодня. Завтра. Всегда.

Что-то скрывалось за, вроде бы, такими простыми и лестными словами музыкального авторитета. Но тревога осталась на уровне мозжечка. Сознание же принимало похвальный тост с большим энтузиазмом.

— За будущего маэстро Геннадия Боброва! — провозгласил Жуков. Стаканы сошлись в середине. Парни быстро осушили до дна. Грива тут же подставил пустой стакан Дятлу, тот налил, и Пробкин повторил, предвзвительно провозгласив: «За способного Бобра!». Иветта, чуть пригубив, протянула свой стакан Генке. От девушки хозяин не может его не принять.

— Первый раз, Бобёр? — добродушно поинтересовался Грива. — Не торопись. Если не пойдёт, ты не всё сразу. Оставь на второй заход.

Неожиданно и Сфинкс проявил сочувствие, протянул бутерброд.

— Закусишь сразу, Гена.

Левой рукой Генка принимает бутерброд. Правая по-прежнему сжимает стакан, но вверх не поднимается. Компания выжидательно затихла.

— Лей полный, — твёрдо обратился к ударнику вчерашний дебютант.

Грива весело заржал:

— Другое дело. Притворялся, Бобёр?

Дятел добавляет вина, Генка продолжает держать стакан неподвижно над столом.

— Полный, говорю!

Со словами: «Наш человек!» невозмутимый Сфинкс доликает доверху.

— Не много, Гена? — тревожится Иветта.

— В самый раз. Для начала, — отрезает Генка. Он чувствует себя свободно и раскрепощённо. Небольшими глотками, не отрываясь, Генка выпивает стакан до дна. Компания дружно аплодирует. Дятел подаёт руку, и Генка охотно её пожимает. Грива заключает «будущего маэстро» в медвежьи объятия, Генка вырывается.

— Иветта!

— Что, Геночка?

— Где твои... «Пару... парашютисты». Будем слушать?

— Обязательно, Геночка. Андрей, поставь, пожалуйста.

Грива быстро находит нужную запись. Звучит темповая музыка. Иветта начинает танцевать, увлекает остальных. Сильно опьяневший

хозяин не может держать равновесие. На ровном полу родной комнаты молодого гнома кидает, как на небольшом судне в океане при шестибальном шторме. Вскоре Генка тормозит и падает на диван. Глаза слипаются...

Впрочем, разгулявшимся коллегам было не до хозяина. Жуков с Дятлом уселись за стол и, не чокаясь, потягивают из стаканов вино. Грива облапил Иветту и изображает танец, не двигаясь с места.

— Кончай, Грива! — уловил вдруг тонкий слух хозяина протестующий возглас единственной гостьи.

Генка с трудом разлепил глаза. В фокусе появилась танцующая пара. Но разве это танец? Лево́й рукой Грива крепко держит прелестную солистку, а правая бесстыдно гуляет по всему телу. Сзади, спереди... Генка почти протрезвел. Он резко поднимается, подходит и вырывает Иветту из лап Пробкина. Для длинного гитариста его атака — полная неожиданность. Но он быстро пришёл в себя.

— Исчезни, Бобёр, не встревай.

— Ща, Грива его сделает, — лениво предположил Дятел.

— Бобра надо беречь, — осторожно отреагировал маэстро.

Генка решительно смахнул с плеча враждебную руку:

— Она будет танцевать со мной. А с тобой не хочет.

— Правильно, Геночка, — ласково промурлыкала Иветта.

— Это мы ещё поглядим, кого она хочет! — Грива крепко ухватился за девушку.

— Она пришла ко мне! — тянул в свою сторону Генка.

— Она пришла с нами. Не буди во мне зверя, Бобёр.

Грива поднял вверх мощный кулак, но удар предотвратил жёсткий окрик Жукова:

— Стоять! Не заводись, Грива!

Кулак разжался в пятерню, и соперники снова ухватились друг за друга.

— Не трогай мою девушку! — заявил вчерашний дебютант.

Грива сохотнул:

— Ты на кого прёшь, киндер? Давно по фейсу не получал?.. Кыш под лавку.

— Сам кыш, — не сдавался Генка. — Ты зачем её... лапами... в моём доме!

Терпение Пробкина иссякло. Он обхватил Генку, приподнял, донёс до дивана, бросил, как мешок с картошкой.

— Отдыхай, Бобёр... мой дом!.. моя девушка!.. Буржуев мы не любим.

— Не уважаем, — разжал тонкие губы мрачный ударник.

Грива направляется к Иветте:

— Продолжим, козочка.

— Не хочу, — отрезала солистка.

— А мы через не хочу... — снова лапает солистку длинный гитарист.

Генка пружинисто вскрикивает и громко орёт, перекрывая «Парашютистов»:

— Всё! Хватит! Убирайтесь все!.. Слышь, Жук? Уходите!

Грива отпускает Иветту, смотрит на Жукова. Невозмутимый Сфинкс медленно поднимается со словами:

«Перебрал пацан... успокою». Жуков выключает магнитофон. В резко наступившей тишине звучит его голос:

— Чем ты недоволен, Гена?

— Я сказал, уходите. И Гриву-подонка, вообще... видеть не хочу!

Грива и Дятел надвигаются на Генку. Маэстро буквально орёт, не щадя талантливых связей: «Стоять!.. Руки!.. Убрали руки!.. Сели!»

У агрессивной пары включились тормоза. Жуков мгновенно перешёл на спокойный тон:

— Сели, говорю. Быстро... Вот так. Сдурели совсем? Мы же друзья. Одна команда. Ну-ка, настроились...

Маэстро берёт Генкину гитару, начинает песню. Первым подхватывает мелодию отходчивый Грива, следом начинает постукивать по столу ладонями укрощённый ритмом Дятел. На припеве вступает Иветта. Несколько минут звучит согревающая, сплывающая, задушевная песня. Жуков написал эту пронзительную мелодию в пятнадцать лет. Он тогда бредил «Битлами», и однажды ночью пришли и стихи, и музыка. Стихает последний гитарный аккорд. Жуков ласково смотрит на размякших соратников.

— Ну вот, другое дело. Самое время выкурить трубочку дружбы, веселья и любви. Располагаем, Саша?

После спетой песни и Дятел бодро отзывается в тон:

— На трубочку наскребём, Серёжа.

С этими словами ударник достаёт из кармана сумки красивую трубку, напоминающую голову Мефистофеля с рожками и бородкой, и неболь-

шой мешочек-кисет. Вынимая по щепотке табак, он аккуратно набивает трубку.

Внимательнее всех следила за его манипуляциями Иветта. Она даже приговаривала от нетерпения: «Давай, Саша... скорее... всё же готово».

Наконец, Сфинкс взял трубку в зубы, чиркнул спичкой, долго раскуривал, зажимая отверстие в голове большим пальцем.

— Сейчас, Бобёр, узнаешь в чём радость жизни... исторический момент! — басил Грива.

Дятел, сделав несколько полноценных затяжек, протянул трубку Жукову. Маэстро затягивается один раз, передаёт Иветте. Девушка поспешно, с жадностью курит. Грива длинной рукой вынимает голову чёрта из ярких, красиво черченных губ. От него Мефистофель попадает опять к ударнику. Потом маэстро, выпустив дым пару раз, вдруг предлагает Генке, молча следящему за процессом «дружбы, веселья и любви»:

— Попробуй, Гена.

Он дружелюбно тянет руку в сторону хозяина. Генка, однако, слегка набычившись, мотает головой: «Не курю... и не буду».

Грива весело реагирует:

— Молоток, Бобёр! Нам больше достанется.

Музыканты курят по очереди, игнорируя Иветту... Девушка жалобно хнычет: «Моя же очередь». Ударник что-то негромко говорит ей на ухо. Девушка, чуть поколебавшись, кивает и сразу получает Мефистофеля. После нескольких затяжек она подсаживается к Генке.

— Ну, что пристали к Бобрику... Он такой хороший... не понимает пока кайфа... я тебя научу, малыш. Сначала я... теперь ты... немножко, не бойся, чуть-чуть... вот так... снова я... теперь ты... Тебе приятно? Отдыхай.

Она кладёт голову разомлевшего Генки себе на грудь, поглаживает его волосы свободной рукой.

— Сейчас у тебя закружится голова... Сладкое такое головокружение.

Грива подходит к парочке, забирает трубку, возвращается к столу. Троица курит по кругу... Иветта что-то шепчет на ухо Генке, гладит его рукой по щеке, потом жадно целует в губы.

— Ох и вмазал бы я Бобру сейчас, — мечтательно басит Пробкин.

— По разочку надо. Для профилактики, — поддержал Дятел.

— Охренели оба. Зима на носу. Где нас ещё примут? На Бобра молиться надо, пылинки сдувать, — гасит их агрессивность Жуков.

Грива меняет тон и начинает комментировать поведение Иветты.

— Она его скоро всего облизет. Заведи его до полной боевой, козочка. Проверь, выросла уже морковка? Вино! Травка! Женщина! У Бобра сегодня сексуальная революция.

Генка вдруг отстраняет Иветту, с трудом поднимается, подходит ближе, обращается к маэстро.

— Жуков... Серёга!.. Ты скажи... ты мне честно скажи... тебе я верю. Только тебе... Что вы тут курите? Какой-то странный запах, и в голове туман, сплошной цветной туман...

— Завтра, Гена. Завтра мы с тобой поговорим, — серьёзно отвечает Жуков.

— Мы уйдём через десять минут, Бобёр. Засекай, — произносит Дятел.

Генка громко кричит, что не будет терпеть, и достаёт телефон.

— Не успеешь, Бобёр, — зловеще предупреждает Дятел.

— Пока адрес назовёшь... биографию расскажешь... мы же ис тебя котлету слепим, — поясничает Грива.

Ситуация выходит из-под контроля. В последний момент Жуков опять щёлкнул руководящим бичом.

— Харэ! Застыли!.. Уходим. Сразу. Спасибо за гостеприимство, Гена. Все на выход. Грива!.. Дятел!.. Ветка, покажи пример.

Иветта хватает куртку, выскакивает на площадку. Гномы молча выходят следом. Жуков подошёл к Генке, положил руку на плечо.

— Не переживай, Гена. Завтра в шестнадцать репетиция. Без опозданий.

Спортивной, пружинистой походкой он направился к выходу. Снял с вешалки свою шикарную замшевую куртку с множеством карманов, молний, кнопок. В процессе неспешного облачения до него донёсся громкий оклик:

— Жуков!

— Да, Гена, — мягко отозвался маэстро.

— А Иветта? Давно она курит... это?

— С прошлого года, — охотно пояснил главный гном. — Как видишь, цветущая крошка... Могу помочь. Не робей, Гена... Ты же мечтаешь об Иветте? Могу прислать девочку.

— Почему ты распоряжаешься? У тебя с ней уже было?

— Не только у меня. В этом Грива прав: её на всех хватает.

— Врёшь! — снова взвился Генка. — Про это ты врёшь, Жуков. Она хорошая, а вы все дерьмо.

Жуков несколько раз сжал пальцы в кулаки.

— Кому грубишь, детка... Ладно. Сегодня прощаю... Отдыхай. Проверти как следует. И молчок. Маму волновать не надо. Ты понял?

Вместо ответа Генка вдруг заплакал. Дрожащим голосом он с трудом произнёс: «Про Иветту... я всё равно... не поверю».

Жуков засмеялся и вышел. Генка добрался до дивана, улёгся, не раздеваясь, и почти сразу заснул тяжёлым, глубоким сном.

На следующий день, уйдя без разрешения маэстро с репетиции, Иветта отправилась, куда глаза глядят. Внутри у неё всё клокотало, внешний мир она почти не замечала. Дорогу девушка переходила, вовсе не заботясь о подходящем сигнале светофора. К счастью, машин в этот час в их тихом районе бегало мало. Неожиданно для себя солистка подошла к дому Генки. Иветта вошла в подъезд, быстро поднялась пешком четвёртый этаж. Вот и знакомая, обитая, наверное, лет пятнадцать назад дешёвеньким дерматином дверь. Она уже протянула руку к звонку, но палец застыл в сантиметре от кнопки. Чуткий слух солистки «Гномов» уловил голоса. Генкин звучал односложно. В основном доносились длинные монологи матери. Иветта медленно сошла по лестнице вниз. Больше часа она провела в скверике напро-

тив дома, несколько раз порывалась уйти и снова возвращалась.

В лицо Полину Викторовну девушка не видела ни разу, но почему-то сразу узнала мать Генки в женщине, решительно вышедшей из подъезда. Крепкие, далеко не новые туфли на толстом каблуке, поношенное пальто, смешной берет, модный лет двадцать назад. Впрочем, и сейчас носят похожие. Проводив женщину взглядом, Иветта вновь поднялась к той же двери и, не колеблясь, нажала кнопку. Раз, другой... за дверью стояла полная тишина.

— Гена... Бобрик... не бойся, я одна... Гена! Я знаю, что ты дома...

Иветта быстро впорхнула в открытую дверь и обняла хозяина. Генка стоял неподвижно несколько минут, не отвечая на объятия, но и не отталкивая девушку.

— Прости меня, Геночка, — прошептала, наконец, Иветта. — Ты меня не ждал?

— Нет, — честно ответил Генка.

— Меня совсем совесть замучила. Никак не ожидала, что так получится.

— Ладно, переживём, — обрёл уверенность самый молодой гном.

— Ночь почти не спала, весь день хожу не в своей тарелке, — продолжала исповедоваться Иветта. — С репетиции сбежала... Нагорело тебе от мамы, да?

— Проснулся на третьем уроке, — почти весело сообщил хозяин. — Мать, понятное дело, высказалась.

— Ты хоть помнишь вчерашнее?

— Смутно, — сознался Генка.

— Иди, сядь со мной... ну их всех к чёрту... давай забудем обо всём... ты такой замечательный, Бобрик...

Девушка обняла робкого хозяина, трётся о его плечо крепкой грудью, гладит свободной рукой по щеке, протягивает губы... Но из уст окаменевшего паренька вылетает ещё один стопудовый вопрос:

— Ты правда уже целый год куришь травку?

Иветта замерла на миг, отодвинулась немного, вздохнула:

— Если бы только курила... Не рада теперь, Бобрик, да куда не денешься. Я на игле давно. Смотри...

Девушка быстро снимает через голову плотную водолазку, остаётся в одном узорном лифчике. Она вытягивает вперёд левую руку ладонью вверх, и Генка с ужасом видит множество разноцветных синяков-кровоподтёков от кисти до локтя.

— Знаешь, какая это отравка, волю парализует начисто... не поддавайся, Гена. Никаких трубок, никаких колёс, а уколы вообще не вздумай! Привыкнуть — проще «чижика-пыжика». Ты мне обещаешь?

— Я уже матери обещал, — серьёзно ответил Генка.

— Вот и чудненько. Молодчина, Бобрик...

Она ласково обняла мальчишку голыми, тёплыми руками:

— После школы сразу уеду подальше... Здесь мне не вырваться... Будешь меня вспоминать?.. Мой хороший, мой ласковый... мама скоро вернётся?

— Сказала, через два часа, — с трудом выговорил бедный хозяин. Его начала вдруг бить мелкая дрожь. Вчерашние мечты и желания сегодня почему-то совсем исчезли. Де-

вушка чувствовала его состояние, и не зря маэстро назвал её перво-классной гейшей. Сегодня ей было очень плохо. Кровь вопила всё громче, требуя наркотического допинга. Не сегодня-завтра начнётся настоящая ломка. Один раз с ней уже такое было, и она визжала и каталась по каменному полу какого-то подвала, пока Дятел не вколол ей, наконец, полный шприц. Временно снять наркотический голод могла другая страсть...

— Не бойся, Геночка, всё будет замечательно... это так чудесно, сейчас ты поймёшь... ты станешь настоящим мужчиной... Пойдём, умоемся.

Генка едва поднялся, побрёл в ванную, долго мыл лицо холодной водой, потом вытирался...

— Ну что же ты, — слышался совсем рядом ласковый, певучий голос.

Он отнял от лица полотенце, оглянулся на раскрытую дверь. Иветта стояла в проёме в маленьких ажурных трусиках и улыбалась. Одной рукой она сняла с лески над ванной широкое махровое полотенце, другой повела Генку за собой.

Постелив полотенце на диван, Иветта быстро обернулась к Генке, словно боясь, что в последний момент неопытный мальчишка струсит и сбежит. Но он уже хотел её больше чем вчера, сильнее чем на вечере. Быстрыми ловкими движениями Иветта помогла ему расстегнуть рубашку, ремень на брюках, скользнула ладонью внутрь...

— О, Гена! Ты уже такой хороший... давай снимем всё лишнее...

Иветта покрыла поцелуями всё его тело, потом легла на диван, потянув парня за собой. С помощью её уверенной руки они стали на несколько мгновений одним целым существом... Впервые в жизни Генка излился в женщину, и в эти секунды какая-то неведомая, могучая сила унесла его не только из этой комнаты, но и, кажется, вообще с планеты Земля. Короткий вскрик Иветты вернул его из космического путешествия. Он постепенно осознал, где находится, и что происходит, хотел подняться, но девушка не отпустила. Гибкие руки прижимали его ласково и крепко.

— Подожди, Геночка, подожди... мне так хорошо с тобой... ты меня просто спас, Бобрик...

Прошло ещё несколько долгих, сладостных минут. Генка совсем пришёл в себя. Нежные слова девушки наполнили его гордостью. Потом он ощутил беспокойство:

— А ты не боишься, что будет ребёнок?

Иветта, не открывая глаз, улыбнулась:

— Нет, миленький, не волнуйся, я уже год со спиралькой.

— С чем? — вырвалось у счастливого дебютанта.

Иветта закрыла глаза и засмеялась.

— Ты сам ещё совсем ребёнок... но такой замечательный... тебе тоже хорошо?

— Никогда ещё так не было, — признался Генка.

Потом он сбежал по её совету «сполоснуться», вернулся, взялся было за одежду, но Иветта остановила.

— Подожди, у нас ещё есть время, сядь сюда... вот так.

Она усадила Генку на диван, устроилась между его широко раздвинутых колен, начала гладить и целовать... Очень быстро молодой организм настроился на новый прыжок в космос. Теперь уже Генка действовал сам достаточно активно и напористо. Иветта приняла его, не скрывая восторга:

— Ох, Бобрик... классно... ты такой... потрясающий...

Когда они прощались в прихожей, Генка, глядя на упакованную в брюки и куртку красивую девушку, с трудом верил, что они только что были вместе, пережили два невероятных полёта в каком-то неземном измерении. Может, это над ним пошутила фантазия, и ничего и не было? Но ликующая опустошённость в собственной фигуре победно сигналила: «Было! Ещё как было!» Иветта аккуратно прикоснулась к его губам, чтобы не испачкать помадой:

— Когда теперь мама дежурит?

— В четверг, кажется... ты придёшь? — засиял хозяин.

— Прилечу, Геночка, — улыбнулась девушка, и тут же вздохнула: — Дожить бы только.

Последнюю фразу «потрясающий любовник» не очень понял, но переспросить не успел: Иветта уже выскользнула за дверь...